

ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 18–19 вв.

А.А. Сысоев,

доцент кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России

Д.Б. Кавецкий,

преподаватель кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России

В статье рассмотрена деятельность воинских формирований по выполнению полицейских функций на территории Восточной Сибири в период с XVIII века по 1917 год. Отражаются вопросы деятельности армейских и казачьих подразделений по охране общественного п. 3,14.рядка, их положительные и отрицательные последствия для населения региона и самих военнослужащих.

In the article the activity of military formations on police functions on the territory of Eastern Siberia in the period from XVIII century to 1917. Reflect the activities of the army and Cossack units for the protection of public order, their positive and negative consequences for the population of the region and military persone¹.

Традиционно в Российской Империи армия являлась естественным резервом правоохранительных структур. Воинские формирования обеспечивали полицейские мероприятия силовой поддержкой и были источником формирования полицейских штатов (вплоть до второй половины XIX в. комплектование общей полиции производилось исключительно за счет армейских чинов – авт).

¹ Sysoev A., Kavetsky D. Police service of military units on the territory of Eastern Siberia 18-19 centuries.

Ещё во времена создания первых учреждений регулярной полиции воинские команды посылали в места, где действия злоумышленников приобретали открытый и наиболее опасный характер. Специальная инструкция, утвержденная Петром I в 1719 г., предусматривала формирование таких команд «ради сыску беглых драгун, солдат, матросов, рекрут и ради искоренения воров и разбойников, и кто им пристань чинит» [1].

Власть, предоставленная офицерам розыскных команд, была чрезвычайно большой. Они могли привлекать к уголовному сыску представителей всех сословий, жестоко карая виновных, в том числе и смертной казнью.

По Указам от 31 октября 1730 г. и от 7 и 17 июня 1731 г. солдаты, квартировавшие в губерниях и представлявшие гарнизонные войска, «делались опекунами» городских и сельских жителей, обязанными в связи с этим помимо сбора податей, а также обеспечения тишины и порядка в обществе, искоренять воров и разбойников, т.е. активно участвовать в процессе уголовного сыска [2]. Использование офицеров, драгун, солдат и казаков для сыска злоумышленников предусматривалось и специальным Указом от 1736 г. [3].

В Восточной Сибири вооруженные формирования представляли главным образом иркутские, енисейские и якутские казаки, которым Указом от 23 апреля 1733 г. вменили в обязанность охрану «трактов, сбор дани, городовые полицейские функции, караулы и разъезды» [4].

Как установил современный исследователь Г.И. Романов, отсутствие военной опасности, малочисленность и рассредоточенность казачьего населения, проживавшего в городах по всей территории Восточной Сибири, способствовали смещению его функциональных обязанностей к правоохранительной деятельности [5].

В дальнейшем, по сведениям В.К. Андриевича, к 1793 г. «комендантам было предоставлено право употреблять для полицейских надобностей казаков, находившихся в ведении губернаторов» [6].

«В связи с чем – пишет Л.П. Бердников, – Енисейским губернатором Александром Петровичем Степановым для того чтобы оградить город от воров и разбойников ... было сделано распоряжение атаману Енисейского казачьего полка ... учредить в городе два пикета ... каждый пикет обязан был за ночь объехать город три раза ... один из них нёс службу на Большой площади, другой в конце Воскресенской улицы» [7].

Это были городовые казаки. Пограничным же казакам следовало находиться у границы, неся караульную службу. Однако, как писали об этом уже в XIX в., «строгого разделения службы городовых и пограничных казаков не существовало и пограничные казаки сплошь, и рядом исполняли обязанности городовых» [8].

Окончательному преодолению различий между городовыми и пограничными казаками способствовало утвержденное 26 августа 1810 г. мнение Государственного совета «о передаче казаков, находящихся на

китайской границе в ведомство гражданское с тем, что бы оно и содержало казаков» [9].

Начались интенсивные переброски казаков из приграничных областей во внутренние районы Восточной Сибири для несения полицейской службы, что нашло отражение в материалах официальной переписки. Так, в 1810 г. Красноярский городничий потребовал от Абаканского дозорщика «5 старшин и 41 казака с форпостов, для расстановки 5 пикетов в Красноярском округе, в видах прекращения разбоев, учиняемых беглыми».

В том же году вместо 18 городских казаков, выбывших в распоряжение Бугучарского комиссара, по требованию городничего Келлера в Красноярск было отправлено «с Саянского форпоста – 7, Абаканского – 8 и Таштыпского – 5 казаков» [10].

В итоге, как установил В. Вагин, «городовые и пограничные казаки составили местную полицейскую стражу «...» заним[аясь] командировками по земской полиции, разъездами, содержанием в городе постов» [11].

В 1851 г. из бывших городских и пограничных казаков была сформирована бригада, состоявшая из Енисейского и Иркутского конных казачьих полков [12]. Как утверждает В.П. Матханова, в этот период «они по-прежнему выполняли главным образом полицейские функции: несли караульную службу в городах, ловили беглых, препровождали арестантов» [13].

Кроме того, образованное в 1851 г., Забайкальское казачье войско, по сведениям Л.С. Клер, также «предназначалось для наружной охраны тюрем «...» конвоирования ссыльнокаторжных и поимки их в случае побегов». В войска состав вошли не только городовые и пограничные казаки, но и «буряцкие казачьи полки» [14].

Окончательно полицейская служба была закреплена за сибирским казачеством в первой четверти XIX в. с принятием «Устава о Сибирских городских казаках». В Уставе говорилось о том, что «городовые казаки принадлежат к составу полиции и находятся в гражданском ведомстве». Управление ими осуществляется «в составе полков или станиц», а главное начальство «над казаками в губернии вверя[ется] губернатору».

В Восточной Сибири должны были действовать четыре казачьих полка: Енисейский, Иркутский, Забайкальский и Якутский. В целях же «заселения и охранения отдаленных или малонаселенных мест «...» и наблюдения за тишиной и спокойствием» казачеству разрешалось устраивать станицы и переходить в разряд станичных [15].

Периодически местным казакам помогали нести службу их собратья из других районов страны, сопровождавшие в «край каторги и ссылки» многочисленных арестантов.

В связи с этим В.К. Андриевич сообщал, например, о том, что «откомандированные в Сибирь из Оренбургской губернии, для препровождения колодничьих партий Башкирские казаки еще долгое время служили не только для конвоирования арестантов, но и для поимки беглых и разбойников, выставляя пикеты силою от 4 до 5 человек, в разных местах по

почтовым дорогам. Пикеты эти имели право задерживать всех непохожих на обыкновенных проезжающих дорожных людей или ямщиков» [16].

Радикально изменилась практика привлечения воинских формирований к полицейской деятельности во второй половине XIX в. Тогда капиталистическая модернизация страны обусловила принятие обнародованного 19 мая 1871 г. «Высочайше утвержденного постановления Государственного Совета» о том, что казаки, назначавшиеся в гражданские ведомства, будут «получать содержание, определенное штатом, от тех ведомств, в которых относи[ли] службу» [17].

В результате невозможным оказалось широкомасштабное привлечение военнотружущих к реализации полицейских мероприятий. Поэтому в циркулярном распоряжении Министерства внутренних дел Российской империи №3049 от 7 декабря 1882 г. разъяснялось, что Государю Императору благоугодно было повелеть принять меры к сокращению нарядов от войск».

Всем начальникам губерний предписывалось «наряд войск в помощь полиции для ночных обходов прекратить во всех местах Империи, за исключением губернских городов и местностей, объявленных в положении усиленной охраны» [18].

Сократились масштабы участия воинских формирований и в деятельности сибирской полиции. Так, исполнявший дела Иркутского полицмейстера полковник Н.К. Заборовский, докладывая губернатору о состоянии полицейской службы, отмечал, что «по не ассигновании на 1872 г. Иркутской Городской Думою денег, на содержание служивших в 1871 г. при Иркутской городской полиции казаков сии последние от полиции отошли, через что состав ее против минувшего года уменьшился на 19 человек» [19].

Однако специфика местной жизнедеятельности обусловила потребность в активном привлечении военнотружущих к несению полицейской службы. Характерно, что необходимость этого в полной мере осознавалась и властями (центральными и местными), и полицейским руководством, и общественностью.

Уже в 1872 г. циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел Российской империи №3049 губернские правления региона получили право по-прежнему «употреблять воинские наряды для исполнения полицейской службы в крупных административных центрах».

Кроме того, губернаторам разрешили «в случае появления разбойнической шайки и при самом получении сведений о состоявшихся скопищах воров, о дезертирах или иных беглых бродягах, когда действия местных полиций к искоренению их окажутся недостаточными или слабыми ... отряжать для преследования и истребления таких шаек и скопищ особых чиновников, призывая если нужно для содействия войска» [20].

Предоставленными ей правами губернская администрация Восточной Сибири активно пользовалась, что подтверждается, в частности, документами Иркутского военного окружного штаба. В 1884 г. губернского воинского начальника ставили в известность, что «вследствие совершающихся в г. Иркутске дерзких краж, носящих в себе даже в

некоторых случаях характер разбоя, Иркутский губернатор признает необходимость одновременной, по примеру прошлого года проверки скопившегося в последнее время в Иркутске сомнительной честности людей, приютившихся преимущественно в разных мошеннических притонах».

При этом «в виду ограниченности наличного состава полиции» от Иркутского резервного батальона «для содействия полицмейстеру, при задержании подозрительных лиц по многочисленности их» воинскому начальнику предписывалось «откомандировывать одну из рот в полном составе рядовых с унтер-офицерами и офицерами, под командой ротного офицера» [21].

Согласно официальным отчетам, «нижние чины резервного пехотного полка, участвуя при полицейских городских, в обходах, состоя в непосредственном подчинении г. Полицейских приставов, нес[ли] службу не дольше 8 часов в сутки и не более 2 часов подряд. По смене наряда в обходе нижние чины отпрапля[лись] для отдыха по частям» [22].

В соответствии с «Инструкцией о действиях усиленного наряда, назначенного в помощь полиции по случаю выхода рабочих с ангарских рыбных промыслов и золотых приисков» воинские наряды должны были «помогать проверять рабочих на самих судах, тот час по прибытии их, задерживать для проверки лиц сомнительных и подлежащих к высылке по неимению прав на жительство в городе. Помогать проверять при выходе на дневные и ночные обходы питейные заведения, публичные дома и все подозрительные места ... предупреждая пьянство, ссоры, драки, кражи, грабежи» [23]. Кроме того, военным рекомендовалось «строго следить за Русиновской, Саломатовской, Матрешинской и Арсенальной улицами и Хлебным базаром, постоянно обходя таковые поименно» [24].

Ежегодно в осенне-зимний период, вплоть до февральско-мартовских событий 1917 г., ночные улицы губернских городов Восточной Сибири патрулировало от 20 до 36 казаков [25].

Полицейское руководство было убеждено в необходимости таких действий, о чем свидетельствуют многочисленные документы официальной переписки, содержащие и соответствующую аргументацию. Например, в 1887 г. иркутский полицмейстер капитан А.В. Озерский, сообщая губернатору о том, что «с конца сентября имеют пребывать в г. Иркутск рабочие, окончившие свои заработки на Ангарских рыбных промыслах и золотых приисках», ходатайствовал перед ним о «командировании в помощь полиции на время с 20 сентября по 15 ноября 27 нижних чинов от батальона, ежедневно с тем, чтобы наряд этот делался на целые сутки» [26].

Не менее убедительно обосновывало потребность в помощи полиции со стороны войск и Общее присутствие Иркутского правления, пришедшее в 1902 г. к выводу о том, что «обыкновенные силы полиции недостаточны для борьбы с открытыми проявлениями преступности в г. Иркутске, так что в дни продолжительных праздников, например святой Пасхи, из года в год требуется помощь военной силы; вообще же осень и зима с началом весны, т.е. период наименьших заработков и наибольших затрат на существование

настолько обильны преступлениями, что с военным начальством необходимо сделать сношение о ежедневной командировке 20 казаков в помощь полиции для ночных разъездов» [27].

В свою очередь, иркутский генерал-губернатор А. Пильц, сообщая 27 января 1917г. в секретной депеше министру внутренних дел о том, что «в Иркутском генерал-губернаторстве под влиянием систематического прилива ссыльного элемента, население в значительной степени склонно к различным выступлениям», предлагал «сделать решительный шаг к усилению полицейской силы в крае», используя опять же воинские формирования – казаков Якутского городского полка» [28].

Следует также отметить, что на приисках Олекминской и Витимской системы Ленского горного округа Восточной Сибири казаки исполняли обязанности горно-полицейской стражи вплоть до 1901 г. При этом, в различные годы, численность казачьих нарядов достигала 200 человек [29].

Кроме того, как писали современники, «в местах резиденций горных исправников Витимского на Бодайбо и Олекминского на Маче, а потом и на прииске Верном существовали особые отряды по 15 человек, называющиеся кордонами» [30]. Их главной обязанностью являлось преследование спиртоносцев, хищников, разбойников и поимка беглых рабочих.

В некоторых случаях использование воинских формирований позволяло оказывать «силовое воздействие» на складывавшуюся ситуацию, обеспечивая таким образом успех проводившихся мероприятий. Благодаря этому воздействию, в 1830-х гг. удалось обезвредить «крупную шайку» разбойников на территории Енисейской губернии.

В 1836 г. полицейские служащие Красноярска задержали неизвестного человека, назвавшегося впоследствии беглым поселенцем Иркутской губернии Иваном Криворотовым. На допросах арестованный пояснил, «что прибыл в Красноярск с 11 человеками подобными ему беглецами из Нерчинских заводов, у которых было 4 ружья, 2 пистолета и несколько пороха» [31].

Однако предпринятые городской полицией розыски не принесли ожидаемых результатов. Бандиты скрылись из города, направив свои преступные намерения против местных крестьян.

Обеспокоенный этим обстоятельством начальник Енисейской губернии, как позже стало известно из его доклада, «имея во внимании нередко случающееся в губернии убийства и пожары», предписал чиновникам земского суда «чтобы не дать времени бродягам тем совершить какого либо нового злодеяния немедленно употребить все возможные средства к преследованию и поимки их» [32].

Причем, на помощь к командированному для проведения розысков заседателю земского суда Гарезину, по распоряжению губернатора, «дабы заблаговременно расстроить вредные замыслы сих людей, и предупредить всякое новое могущее последовать от них преступление», было командировано «15 человек нижних казачьих чинов в полном вооружении» [33].

Не менее драматично складывались события, связанные с поимкой шайки «Туруханских грабителей». Тогда, по сообщениям местных властей, «жителями Туруханского края овладел панический страх от станка Осиновского до города Туруханска все [было] разграблено». Нападению подвергся и сам г. Туруханск. Преступники, убив нескольких казаков и помощника отдельного Туруханского пристава Водяникова, ограбили кассу специального сборщика, действовавшего от имени Министерства внутренних дел и почтовое отделение [34].

Так случилось, что представители местной полиции, «бывшие в д. Вороговой, куда они сбежали после разбоя ... представляли трусливую разнузданную полупьяную толпу» [35]. Остановить преступников удалось только благодаря своевременным и самоотверженным действиям нижних чинов команды разведчиков 31 Восточно-Сибирского стрелкового полка под руководством поручика Нагурного.

Как впоследствии докладывал сам поручик Нагурный, «шайку разбойников 18 чел. нагнали в селе Хатангском ... в перестрелке 5 разбойников были убиты ... трое ранены ... десять сдались». При этом у разбойников было «найденно и отобрано: 12 нарезных и 13 гладкоствольных центрального боя ружей, 25 револьверов различных систем, 6 шашек, патронов к нарезному оружию 811, к гладкоствольному 842, револьверных 401 шт., 2 пуда пороху и около 13 тыс. рублей» [36].

Достаточно высокой эффективностью отличалось патрулирование военными нарядами почтовых трактов, существенно повышавшее уровень безопасности местного населения. В частности, к концу XIX в., как установили чиновники губернского правления, «волостные и сельские власти (Иркутского уезда) оказ[ались] совершенно бессильными в деле поимки преступников, так как последние по большей части [были] вооружены и действовали в сообществе ... имели нередко лошадей и производили нападения на Московском тракте среди дня» [37].

Согласно документам официальной отчетности, «для охранения порядка и безопасности при проезде на Московском тракте в районе Иркутского и Балаганского округов, Иркутский генерал-губернатор Александр Дмитриевич Горемыкин нашел необходимым в селениях Суховское, Мальтинское, Зиминское и Листвиничное назначить при офицере и необходимом числе урядников (на две смены) казачьи патрули по шесть человек, а в Заларинское селение в составе 12 человек» [38].

Патрулям, находившимся в ведении Иркутского и Балаганского исправников, предписывалось, «производить разъезды в обе стороны от названных селений, соображаясь силами лошадей и селений».

«Принятые меры к устранению часто повторяющихся на Московском тракте нападений, через назначение казачьих объездов, – докладывал впоследствии губернатору Иркутский окружной исправник, – принесли вполне существенную пользу. По сведениям полиции, «со времени прибытия казачьего отряда не было ни одного случая нападения злоумышленников ... с появлением казаков в селениях водворилось полнейшее спокойствие». В

Иркутске и его окрестностях только с сентября 1901 по апрель 1902 г. воинскими нарядами было задержано 1476 человек, привлечших к себе внимание полицейских чиновников [39].

Наличие у сибирской администрации мобильных и хорошо вооруженных отрядов позволяло в некоторых случаях успешно противостоять уголовной преступности не только на территории региона, но и за его пределами.

В частности, по сведениям Н.С. Романова, «26 марта 1868 г. из Верхнеудинска двинулась сотня Селенгинских казаков для защиты от разбойников монгольской Мекки – Урги». При этом реакция злоумышленников на известие о приближении отряда была весьма показательной. Как отмечал Н.С. Романов, «слух о движении казаков навел на разбойников страх и панику: они все разбежались» [40].

Вместе с тем, привлечение воинских формирований к полицейской деятельности способствовало не только повышению уровня безопасности сибиряков, но и обострению криминогенной ситуации.

Случаи совершения противоправных действий «служилыми людьми» стали обычными уже в XVII в. Тогда «кроме обыкновенных лихих людей, промышлявших разбоем, к этому обратились и некоторые ратные люди, особенно казаки», писал И.Е. Андриевский [41].

По сведениям Н.Н. Оглоблина в 1655 г. в окрестностях Илимского острога бесчинствовал «воровской полк Михаила Сорокина». Собрав около 300 человек, М. Сорокин отправился к Усть-Кутскому зимовью, где обычно собиралась богатая ярмарка, и «приступил к острожку, убил двух промышленных людей и двух ранил ... грабил все, что попадалось под руку, а особенно хлебные запасы, оружие, порох, свинец ... у торгового человека Прокофия Федорова ограбил товаров на 2539 руб. 16 алтына 4 деньги». В числе ограбленных оказался и якутский воевода стольник Михаил Семенович Лодыженский у людей которого «сорокинцы пограбили всякие запасы вина горючего».

Через 40 лет, подобная события произошли около Иркутска. Из дошедших до нас документальных свидетельств того времени известно, «что в 1696 г. мая 19 воровски приплыли в Иркутск из за Байкала моря 2 пойма на дощанике да на каюке человек в двухстех и больши с ружьем и с знаменны и с барабаны и во всякой готовности, будто к воинскому делу, удинские, селенгинские и кабанские и ильинские служилые люди, конные и пешие казаки ... пришедшие бунтом к городу и к воеводскому двору в многолюдстве» [42].

Событие это, по всей видимости, доставило иркутскому воеводе Афанасию Совелову немало тревожных минут, так как, по сведениям Ф.А. Кудрявцева, «обвиняли казаки воеводу в измене и причинении ущерба государственной казне» [43]. При этом, как сообщалось в официальных донесениях, «удинские и селенгинские служилые люди, умысля воровски в третье порядным делом с ружьем к городу и к нему, Афанасию, приступили и из пищалей к стрельбе на него, Афанасия, и на градских всяких чинов

жителей прикладывались и хотели иркутских всяких чинов жителей из ружья побить и город и дворы хотели зажечь» [44].

Со временем, по единодушному мнению современников, «наравне с земскими чиновниками, казаки стали бичом местного населения «...» вымогательство было не единственное зло, которое терпели от них местные жители казаки позволяли себе [и] наглое буйство «...».

Так, в 1819 г. крестьянин Киренской округи Щенин, во время исправления обывательской гоньбы на Шубинской станции, был бит проезжающим казаком Сизых с такой жесткостью, что возвратясь домой больным, прежде урочного времени умер через 6 дней и по осмотру оказалось – голова проломанною, а спина вся почернелою» [45].

Большими злоупотреблениями отличалась и служба приисковых казаков. На страницах сибирской прессы неоднократно появлялись материалы о том, что «...казаки являлись на прииски исключительно с наживательскими вождедениями и не брезговали при этом ни какими средствами» [46].

Полная финансовая зависимость казачества от владельцев приисков (выбор казака для несения полицейской службы на прииске и его увольнение зависели всецело от управляющего – авт.) в значительной степени усугубляла сложившееся положение.

Г. Семевский писал по этому поводу, что «во всех случаях столкновения рабочих с управлениями казаки не вольно являлись сторонниками владельца прииска ... часто допуская весьма произвольные действия по отношению к рабочим, в особенности по лишению их свободы» [47].

Таким образом, в ходе выполнения правоохранительных функций воинские формирования и отдельные их представители нередко нарушали закон, тем самым неуклонно снижая уровень личной и имущественной безопасности сибирского населения.

Очевидно, что сама практика привлечения военных к полицейской службе делится на два разных периода: с момента формирования организационных структур российской полиции (начало XVIII в.), до времени принятия Государственным советом Российской империи решения о финансировании казаков теми ведомствами, которые будут привлекать их к выполнению полицейских обязанностей (1871 г.), а затем, от времени принятия названного решения (1871 г.) до роспуска Временным правительством Департамента полиции Министерства внутренних дел (1917 г.).

Если на протяжении первого периода на территории и региона, и страны в целом участие воинских формирований в полицейской деятельности отличалось высокой степенью активности и широкомасштабностью, то на протяжении второго – в Восточной Сибири, в отличие от других районов страны, сократились только его масштабы, но не активность.

Губернские власти региона использовали данное им правительством Российской империи в 1872 г. право привлекать к несению полицейской службы и выполнению соответствующих мероприятий как воинские наряды, так и войсковые соединения.

Воинские формирования, будучи естественным резервом российской полиции и традиционно использовавшиеся для ее усиления, были представлены в Восточной Сибири Енисейским, Иркутским, Забайкальским и Якутским казачьими полками.

Их функциональные обязанности смещались к правоохранительной деятельности гораздо сильнее, чем у казачьих формирований других районов страны, а в первой четверти XIX в. полицейскую службу окончательно закрепили за сибирским казачеством.

Показательно в связи с этим, что Забайкальское казачье войско с момента своего образования в 1851 г. несло исключительно полицейскую службу. Если до начала XIX в. к ней привлекались только городовые казаки, т.е. находившиеся в ведении губернаторов, то теперь и бывшие пограничные. Пограничные казаки, располагавшиеся ранее у государственной границы и несшие там караульную службу, после 1810 г. стали интенсивно перемещаться во внутренние районы Восточной Сибири, фактически составив с бывшими городовыми казаками местную полицейскую стражу. Кроме того, вплоть до 1901 г. казаки использовались и в качестве горно-полицейской стражи.

Привлечение воинских формирований к выполнению полицейских обязанностей имело как позитивные, так и негативные последствия. Оно давало возможность оказывать «силовое» воздействие на складывавшуюся ситуацию, обеспечивая в результате успех проводившихся мероприятий. В то же время, обострялась криминогенная ситуация, поскольку уже в XVII в. обычными стали противоправные действия «служилых людей».

Отличаясь в Восточной Сибири большей активностью и масштабностью, участие воинских формирований в полицейской деятельности, тем не менее, носило исключительно вспомогательный характер. Оно абсолютно зависело от состояния, содержания и особенностей функционирования учреждений полиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – Л., 1984. – С. 90.
2. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX-XX веках. – Домодедово, 1997. – С. 68.
3. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Указ. соч. – С. 91.
4. Андриевич В.К. История Сибири. Часть II. Период с 1660 г. до воцарения Императрицы Елисаветы Петровны. – СПб., 1889. – С. 419.
5. Романов Г.И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX – начало XX вв.): Дис...канд. ист. наук. – Иркутск, 1995. – С. 31, 32.
6. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 1. Период от смерти Екатерины II до 1806 г. – СПб., 1889. – С. 18.
7. Бердников Л.П. Лони на С.Л. Указ. соч. – С. 61.

8. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 2. Период с 1806 по 1819 г. – СПб., 1889. – С. 150.
9. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 2. Период с 1806 по 1819 г. – СПб., 1889. – С. 151.
10. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 2. Период с 1806 по 1819 г. – СПб., 1889. – С. 159.
11. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Часть 2. Период с 1806 по 1819 г. – СПб., 1889. – С. 159.
12. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. – СПб., 1872. – С. 209.
13. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в XIX в. Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002. – С. 119.
14. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в XIX в. Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002. – С. 119.
15. Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторги // Ссылные революционеры в Сибири (XIX-февраль 1917 г.). – Иркутск, 1989. – выпуск №11. – С. 140.
16. ПСЗ. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 38. – № 29131.
17. Андриевич В.К. Указ. соч. – С. 150.
18. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 91, оп. 1, д. 10, л. 61.
19. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1475, л. 4.
20. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 10, л. 61.
21. Общее учреждение губернское // СЗРИ. – СПб., 1876. – Т. 2. – № 541.
22. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1605, л. 7.
23. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1605, л. 96.
24. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1605, л. 83, 96.
25. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1605, л. 11.
26. ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 71.
27. ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 2005, л. 83.
28. ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 71.
29. ГАИО, ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 398.
30. Горная полиция в Олекминско-Витимской тайге // Сибирские вопросы. – 1912. – №14. – С. 6.
31. Горная полиция в Олекминско-Витимской тайге // Сибирские вопросы. – 1912. – №14. – С. 6.
32. ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 309, л. 1.
33. ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 309, л. 1.
34. ГАИО, ф. 24, оп.3, д. 309, л. 1.
35. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК), ф. 595, оп. 63, д. 5770, л. 102.
36. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК), ф. 595, оп. 63, д. 5770, л. 180.
37. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК), ф. 595, оп. 63, д. 5770, л. 287.
38. ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 4410, л. 5.
39. ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 4410, л. 24.
40. ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 4410, л. 10, 11, 26, 32.
41. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857-1880 гг. – Иркутск, 1914. – С. 253.
42. Андриевский И.Е. Полицейское право. – СПб., 1874. – Т. 1. – С. 287.
43. Из дела о «бунте заморских казаков» против иркутского воеводы Афанасия Савелова 1696 г. (Кн. № 1292) / Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города. – СПб., 1902. – С. 99.

44. Кудрявцев Ф.А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVIII века. – Иркутск, 1939. – С. 65.
45. Из дела о «бунте заморских казаков» против иркутского воеводы Афанасия Савелова 1696 г. (Кн. №1292) / Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города. – СПб., 1902. – С. 99.
46. Вагин В. Указ. соч. – С. 209.
47. Вагин В. Указ. соч. – С. 19.
48. Вагин В. Указ. соч. – С. 10.